

Современная русская публицистика и языковая игра

ЛИЛЯНА ЦОНЕВА
(Велико Търново)

Интерес современной науки к публицистическому стилю обусловлен прежде всего местом этого стиля в системе функциональных стилей и его ролью в жизни современного общества. Социальная значимость публицистического стиля определяется не только тем, что он охватывает огромную и разнообразную аудиторию, но и тем, что он оказывает на ее сознание и поведение. Публицистический стиль (ПС) – феномен времени, который не только отражает, но и формирует общественное сознание.

В ПС создается языковой фон, языковой образ действительности, в нем ярче всего отражается «вкус времени» с его стремлением к свежей образности, к обновлению «стерильного» языка публицистики недавнего прошлого.

Особенности в ПС в последние годы являются предметом изучения не только функциональной стилистики. Проблемы роли ПС в современном обществе, его функций, станут актуальными и в социолингвистике, психолингвистике, прагматингвистике, лингвокульту-рологии и т. д. Это позволяет изучать ПС с разных точек зрения и прежде всего – в непосредственной связи с обществом, с его идеологией и культурой. Г.Я. Солганик, рассматривая новые подходы к изучению языка ПС, подчеркивает: «Наступил период экстенсивного изучения языка СМИ, открывающего новые перспективы перед этой отраслью стилистики, способствующего более глубокому пониманию специфики и природы языка СМИ» (Солганик 2000: 32). Язык современной публи-

цистики – формирование динамическое, в нем протекают разнообразные процессы, которые можно описывать и оценивать с учетом активных процессов в обществе, в политике и культуре (см. об этом: Виденов 1997, Стоянов 1999, Костомаров 1994, Сметанина 2002, *Русский язык конца XX столетия* 1996 и др.).

Именно под влиянием факторов социального характера русская публицистика изменила свой облик, она, как продукт социальных перемен, сформировала новую коммуникативную стратегию. Новая коммуникативная стратегия публицистики естественно предполагает отрицание всего старого, шаблонного, надоевшего как следствие характерного для времени массового поведения, отрицающего нормативность в любой области, в т. числе и в языке, и предпочитает ему разнообразные новые средства моделирования содержания. Безличный, стандартизованный язык прежней публицистики (называемый по-разному – *новояз, квазиязык, антиязык, деревянный язык*) заменяется новым, раскрепощенным, освобожденным от догм и клише.

Как подчеркивается во многих исследованиях, общее направление изменений в языке ПС можно определить как демократизацию этого языка. Демократизация публицистического языка естественно предполагает расширение стилистического спектра, заимствование единиц из других функциональных сфер. Активнее всего ПС заимствует языковые единицы из разговорного стиля – многочисленные разговорные единицы всех уровней языка, прежде всего лексические, а также единицы нелитературные (просторечные, жаргонные, вульгарные) используются во всех жанрах газеты. Они придают ПС повышенную экспрессивность, превращая его в яркую мозаику из разнородных языковых средств.

Публицистический текст (ПТ), по традиции сочетая стандарт и экспрессивность, сегодня рассчитывает в основном на перевес, на силу экспрессивности. Автор ПТ стремится к максимальному обновлению языковых средств, что обеспечивается, с одной стороны, актуализацией, оживлением, обновлением знакомых средств экспрессивности и, с другой стороны, созданием индивидуально-авторских, окказиональных средств экспрессивности, которые можно определить еще как игровые языковые средства. Игровые элементы в современной публицистике привлекают внимание читателя, интригуют его, иногда даже шокируют его и вместе с другими средствами экспрессивности, в том числе невербальными, создают яркость, необычайность языкового кода.

Различные формы языковой игры все активнее используются для создания комического эффекта, иронии, сарказма, и таким образом ПС противопоставляется сухому, скованному, слишком серьезному языку газеты прежних лет. «Прежняя патетичность при изображении действительности сменяется стремлением к ее комическому представлению» (Кожина, Дускаева 1993: 119).

Важное значение для активизации игровых форм имеют факторы внешние, социального характера, и прежде всего господствующее сегодня стремление языковой личности (автора ПТ) осмеивать, иронизировать, играя языком, а также сама возможность осмеивать, иронизировать все и всех, немислимая в прежние годы. В то же время, естественно, нельзя не учитывать и внутренние языковые факторы – заложенные в языковой системе возможности для развития и для творчества, которые система предоставляет языковой личности (возможности для различных трансформаций, для переноса значений, производность языковых единиц и т.д.).

Понятие **языковая игра** (ЯИ) связано с понятием игры вообще – сложным философским понятием, которое исследуется многими авторами. Интересная теория игры представлена в книге И. Хейзинги *Homo ludens*. Игра, как он считает, – это свободное действие, это свобода; игра – это не «обычайная» или «действительная» жизнь, это выход из нее, дополнение к ней; игра – это часть жизни, она украшает жизнь, и поэтому она необходима (Хьюзинха 1982: 31-32). Эти идеи И. Хейзинги, как нам кажется, можно отнести к ЯИ: ЯИ как «свободное действие» – это нарушение нормы, языкового стандарта. ЯИ – это не «обычный», «действительный» язык, а выход за рамки системы языка.

Понятие **языковая игра** встречается в работах авторитетных философов (Л. Витгенштейна, И. Хейзинги, З. Фрейда, И. Паси и др.) прежде всего в связи с вопросами о сущности игры вообще, о сущности языка, о сущности комического, а также в работах авторитетных лингвистов (Ш. Балли, Д.Н. Шмелева, В.Г. Гака, Е.А. Земской, Б.Ю. Нормана и др.). Следует отметить, что интерес к ЯИ в лингвистике исключительно возрос в последние годы. Всего 5-6 лет назад специальных исследований, посвященных ЯИ, было немного. Сегодня ЯИ и вообще и ее конкретные проявления исследуются в монографиях и многочисленных статьях. Особо следует отметить здесь монографию В. З. Санникова *Русский язык в зеркале языковой игры*, в которой

представлены как общая теория ЯИ, так и многочисленные ее проявления на разных уровнях языка (Санников 1999).

Всестороннее исследование сущности и форм ЯИ позволяет, в первую очередь, расширить ограниченное понимание этого явления как синонима каламбура (игрословия, игры слов) и определить ее как сознательное «манипулирование языком», построенное на необычайном использовании языковых средств (Санников 1999: 37), как нетрадиционное, неканоническое использование языка, как творчество в языке, как ориентацию на скрытые эстетические возможности языкового знака (Норман 1987: 168). При таком широком понимании ЯИ к ней относятся не только каламбур, но и различные другие формы творческого, нестандартного, ненормативного использования языка. К ним можно отнести метафору, окказиональные фонетические и морфологические единицы, окказиональные слова и словосочетания, перифразу, цитацию и т.д.

Приведем в подтверждение мнение Б. Ю. Нормана: «Языковая игра в самом широком смысле слова – это использование языка для достижения надязыкового, эстетического, художественного эффекта. Проявления ее чрезвычайно многообразны – каламбуры и остроты, присловия и прибаутки, разложение и обновление фразеологизмов, сознательное фонетическое морфологическое «кривлянье» («коверканье» языка), метафорические номинации и сравнения и т.д.» (Норман 1994: 79).

Во всех игровых формах эффект ЯИ достигается только тогда, когда он осознается адресатом, т.е. адресат должен понимать, что языковая неправильность или необычность допускается намеренно, что «нарочно так сказано» (Санников 1999: 23). Это, естественно, предполагает прекрасное владение языком. Для понимания ЯИ однако почти всегда необходимы и так. наз. внетекстовые, фоновые знания – лингвистические знания (знания об истории, социальной действительности и ее субъектах, культуре и т.д.) общие для автора и адресата, которые создают необходимые условия для полноценного восприятия текста.

Ниже мы коротко рассмотрим некоторые формы ЯИ, уже исследованные нами в сопоставительном плане на материале русских и болгарских публицистических текстов (см. Цонева 2000, 2002).

Самая типичная форма ЯИ – **каламбур**. Отметим еще раз, что каламбур (К.) нередко толкуют очень широко, относя к нему разнообразные

языковые средства, которые считаются необычайными, остроумными. К. можно определить как явление лексико-семантическое, хотя в нем семантику сложно отграничить от словообразования, синтаксиса и прагматики, особенно в ПТ. Один из основных способов создания К. – обыгрывание полисемии, т.е. спелиальное «сталкивание» разных значений одного слова в рамках ограниченного контекста. Например: *Стоит ли хотя бы иногда покидать родные края и чего это стоит?* (ж. “Домашний очаг” 7/2000); *Дикая Олимпиада на Диком Западе* (“Спутник-Новости” 9/2002) – заглавие текста о проблемах разного характера на Олимпийских играх в США.

Довольно часто в К. сталкиваются омонимы – обычно полные омонимы, реже – омографы и омофоны. Большие «каламбурные возможности» омонимов – формально совпадающих слов с разным значением – отмечаются у многих авторов. Например: *Настоящий карьерный дипломат вряд ли позволил бы себе такие высказывания. Хотя карьерными, как известно, бывают не только дипломаты, но и самосвалы* (“Арг. и факты” 23/2001); *Все, что есть, можно есть* (“Огонек” 12/2004).

В.З. Санников подчеркивает, что использование формального совпадения или сходства слов связано с представлением говорящего об общих принципах устройства языка – если слова совпадают или близки по форме, то и по смыслу они совпадают; если слова отличаются по смыслу, то они должны отличаться и по форме. К. возникает при сознательном нарушении этого принципа. «В каламбуре нас удивляет соединение разных смыслов, выражаемых одинаковым или сходным образом. Это забавная ненормальность» (Санников 1999: 454). Такое использование многозначности и омонимии, по мнению Т.Г. Гридиной, – один из тех случаев, когда говорящий сознательно переходит на позиции *homo ludens*, человека играющего (Гридина 1996: 239).

К. с многозначными словами и омонимами можно отнести к типу, который В. З. Санников называет *маска* – в них есть резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим, т.е. слово, которое «прикидывается» одним, оказывается другим («снимает маску»). В них сущность комического проявляется в ее классическом виде (см. Санников 1999: 499-500). Именно поэтому К. часто лежит в основе анекдота и других юмористических жанров.

Излюбленный прием создания К. в современной газете – сталкивание слов – паронимов (нередко имеющих довольно отдаленное сходство).

Например: *Я человек не состоятельный, а состоявшийся*. (“Комс. правда” 186/2003); *На женин не засматриваюсь, но посматриваю!* (“Комс. правда” 186/2003). Особенно характерны такие К. для газетного заглавия: *Мэр примет чрезвычайные меры* (“Моск. комсомолец” 220/2003); *Дума 2002: кто не сдрейфил, тот дрейфует* (“Арг. и факты” 4/2002).

Специального внимания заслуживает форма ЯИ, характерная прежде всего для газеты последних лет, – так наз. *цитация*. Это использование (обычно без кавычек) точных или трансформированных фрагментов из других текстов – чаще всего художественных, реже – публицистических. Например: *Кому на Руси петь хорошо* (“Огонек” 12/2004); *Витязь в отравленной шкуре* (“Арг. и факты” 23/2003); *Унесенные грипом* (“Моск. комсомолец” 340/2001). Все большее распространение получают фрагменты из песен, кинофильмов, а также из лозунгов, характерных для советского времени и т.д. например: *Вокзал для троих* (“Новые известия” 6/2000); *«Газпром» слезам не верит* (“Россия сегодня” 49/1997); *Хотят ли русские любви* (“Огонек” 39/1995); *Доллар – наш рулевой* (“Арг. и факты” 38/1998)

Новыми для русской газеты, но все более активными в качестве цитат становятся популярные выражения из рекламных объявлений: Например: *Когда молчит мужчина – это означает всего лишь, что ему нечего сказать. А когда молчит женщина – это означает, что она обиделась. Почувствуйте эту разницу!* (“Спутник-Новости” 30/2002) – в ПТ используется популярный слоган из телевизионной рекламы косметических продуктов. Эта форма ЯИ, как подчеркивают многие авторы, – яркая особенность медиа-текста самых последних лет. Она отражает важные процессы в развитии ПС и языка вообще. Цитата в новом контексте может усиливать, подчеркивать его стилистическое звучание или, наоборот, обладая контрастной окраской, придавать ему ироническое, шутовское звучание. В этом можно убедиться не только из приведенных выше примеров, но также из следующих: *Снова на улицах Москвы гололед. Опять у москвичей начались хождения по мукам: поскользнулся, упал, очнулся – гипс.* (“Моск. комсомолец” 269/2001) – фрагмент из кинокомедии *Бриллиантовая рука* используется с расчетом на узнавание, на ассоциативное читательское восприятие, для создания иронии (на базе «серьезного» контекста).

Еще ярче ироническое, пародийное звучание в публицистическом контексте стереотипных выражений советского времени с преувеличенно положительным звучанием, которые раньше цитировались «с религиозным преклонением» (Виденов 1997: 145). Например: *Разбежался народишко при Иване, разбежался при Петре. Безлодели целиш волости. Но только Коммунистическая партия, вдохновитель и организатор всех наших побед*, пресекла этот бардак. (“Огонек” 5/2000).

Сущность цитации как проявления игры точно выражена Г. Я. Солгаником: «Цитатные же вкрапления (без кавычек) ценны как раз первоуродством, новизной употребления (в ином словесном окружении). Узнавание старых слов в неожиданном контексте дает безусловный эстетический эффект, во-первых, благодаря элементу игры: вольно или невольно мы пытаемся узнать, вспомнить знакомые слова, сопоставляя их с контекстом. В неожиданном появлении известных слов в новом для них контексте, во взаимодействии их с контекстом и заключается эмоциональная, выразительная сила описываемого приема» (Солганик 2001: 330).

Известные, популярные отрывки из других текстов, которые входят в определенный культурный фонд образованного читателя, чаще всего используются в трансформированном виде. Самый распространенный тип трансформации – замена компонентов исходного текста новыми, актуальными для нового текста. Например: *Богатые тоже прячут* (Моск. комсомолец 279/2001); *Богатые тоже платят* (ж. “Итоги” 43/2004) – ср. название популярного телесериала *Богатые тоже плачут*; *Путешествие Москвы в Петербург* (“Спутник-Новости” 4/2002); *Нашествие из Петербурга в Москву* (г. “Экран и жизнь” 15/2002) – заглавие произведения А. Н. Радищева *Путешествие из Петербурга в Москву*. Нередко цитаты расширяются дополнительными словами, в то время как усечение исходных цитат встречается реже. Например: *Особенности национальной охоты за голосами* (“Лит. газета” 15/1996); *Джентльмены фальшивой удачи* (“Огонек” 21/1995); *Учитесь властвовать ...* (“Итоги” 9/2003) и т.д. (Подробнее об этом см. Цонева 2000, 2002).

Во всех случаях, трансформируя цитату, автор рассчитывает на ее узнавание, на ее эстетический потенциал в тексте-источнике и на ее эффект в новом тексте. Именно поэтому трансформированные цитаты намного выразительнее. По мнению Б.Ю. Нормана, цель таких цитат

«... сочетать коммуникативные и эстетические функции, они соотносят конкретный речевой акт с культурно-литературным багажом и эстетическим опытом читателя.» (Норман 1994: 95).

Важной приметой ПТ последних лет является и активизация так наз. **графических игр** – различных случаев использования средств параграфемии, чаще всего – выделения другим шрифтом слов или частей слов. В принципе такое выделение шрифтом можно считать неязыковым средством экспрессивности, как и яркие выразительные фотографии, рисунки и т.п., характерные для современной газеты. Активизацию этих невербальных средств сегодня можно объяснить практически неограниченными возможностями современных типографских и компьютерных технологий, а также и конкуренцией электронных СМИ и прежде всего телевидения, где языковые и неязыковые средства экспрессивного моделирования содержания свободно сочетаются.

Как и в рекламном тексте, графические стилистические средства, привлекая внимание адресата, участвуют в организации семантической структуры текста, обеспечивая его экспрессивность. Многочисленны примеры, в которых графически выделяется такая часть слова, которая совпадает с важным словом из самого текста. Чаще всего такое происходит в заглавии ПТ, где выделенная другим шрифтом часть слова не просто и не только привлекает внимание – посредством смены шрифта из слова извлекается дополнительный, абсолютно новый смысл, имеющий важное значение в самом тексте. Например: *Испытание на ПРОчность* (“Моск. комсомолец” 16/2002) – в тексте говорится о важных для России и США договорах по ПРО (противоракетной обороне); *России нет СПАСЕНИЯ* (“Сегодня” 15/2000) – в тексте говорится о том, что Россия сталкивается с большими проблемами в Совете Европы, поскольку организация ПАСЕ не допустила участия российской делегации; *МАТериальный стимул* (Итоги 39/2004) – в тексте говорится о системе штрафования за нецензурные слова (т. е. за *мат*) в учреждениях г. Белгорода.

По-другому построено следующее заглавие: *СуМаСушествие* (“Арг. и факты” 1/2005) – в тексте говорится о повальном увлечении современной молодежи общаться при помощи SMS-сообщений. Новое слово можно определить как «гибрид» между словами *сумасшествие* и словом *SMS*, необычность и выразительность которого связана и с графическим выделением латинских букв в русском слове.

Исключительно интересны примеры заглавий, в которых графическими средствами как бы «подсказывают», как создано окказиональное слово и одновременно направляют внимание на содержание текста. Например: *ШУМИшествие продолжается* (“Моск. комсомолец” 335/2001) – в тексте говорится о новых победах гонщика М. Шумахера; окказиональное слово создано при помощи элемента *Шуми* (прозвища Шумахера, популярного среди болельщиков и в спортивной прессе), графическое выделение которого усиливает выразительность нового слова и заглавия.

К тем формам ЯИ, которые можно считать традиционными, можно отнести окказиональные слова (ОС). ОС создаются автором ПТ по существующим в языке моделям. Важное отличие ОС от «нормальных», канонических слов – их зависимость от контекста; вне контекста, изолированно, они не могут существовать. Например: *Как в психологии есть отдельные отрасли шизофренологии, эпилептологии и другие, так и в политологии, по-видимому, скоро появится особый раздел – бушефрения*. (Арг. и факты 52/2003); *Нереальность земной жизни весьма помогает (проверено многими) прийти в себя: дней пять нидерландотерапии – и ваши «батарейки» работают на сто*. (ж. “Элитное образование” 6/2003)

Многочисленные ОС, используемые в заглавии ПТ, «расшифровываются» обычно на базе широкого контекста. Например: *Совсем ольстервенели* (“Коммерсантъ” 19/2000) – заглавие текста о кровавых терактах ИРА в Ольстере. Иногда автор ПТ специально «толкует» значение и способ создания ОС. Например: *Театрариум – смесь театра и террариума. Словечко, изобретенное «Московским комсомольцем», как нельзя лучше подходит к жадной толпе, стоящей у несуществующего российского трона*. (“Россия” 5/1997).

Индивидуальное, незуальное, окказиональное словообразование – один из важнейших процессов, протекающих в современном русском языке – проявляется в первую очередь на страницах газет. Как подчеркивает В. Г. Костомаров, активность окказионального словообразования в ПС можно объяснить популярным сегодня стремлением к изобретательству, к поиску «невиданного» в языке (Костомаров 1994: 34).

Важная особенность окказионального словообразования в современном ПТ – расширение круга производящих основ: к продуктивным и раньше политическим и экономическим терминам,

личным именам и географическим названиям добавляются аббревиатуры, разговорные, просторечные, жаргонные слова и т.д. Например: *Уголовный кодекс пополнится статьей «Кобелизм» (срок от трех до пяти)*. (“Арг. и факты” 1996/10); *И к власти не должны приходить преступники. Иначе демократия превращается в ворюкратию*. (“Арг. и факты” 15/1998); *Пенсионеры против «обманизации»* (“Арг. и факты” 3/2005). Из этих и многочисленных других примеров в нашей картотеке видно, что экспрессивный эффект ОС связан и с контрастом в самой их структуре – контрастом между основой (разговорной, просторечной, жаргонной) и книжным суффиксом.

К окказиональным языковым единицам относятся и **окказиональные словосочетания** – в них правила «нормальной», узуальной сочетаемости нарушаются, синтаксические и/или семантические ограничения при их создании игнорируются. По мнению Б. Ю. Нормана, в памяти говорящего хранится типовая, общая, апробированная и частотная сочетаемость слов, и именно на этом фоне возникают окказиональные словосочетания. Они требуют от языковой личности определенных речетворческих усилий и производят специальный эффект при восприятии текста. (Норман 1994: 89)

Как и во многих других случаях, эта игровая форма используется в заглавии ПТ – его «загадочность» снимается в контексте. Такими бесспорно являются словосочетания в следующих примерах: *Квакающий бизнес* (Спутник-Новости 10/2002) – заглавие текста о предприятии по продаже лягушек; *Праздник в клетку* (Спутник-Новости 29/2002) – заглавие текста о празднике шотландской культуры в Москве. В приведенных выше примерах можно говорить о нарушении правил лексико-семантической сочетаемости слов, т.е. способности или неспособности слов объединяться по лексическому значению. К случаям нарушения синтаксической сочетаемости можно отнести расширение синтаксического потенциала слов. Например: *Во что раздеться?* (Арг. и факты 38/1996); *... любовь прошла. Но ведь не сама же прошла, а прошли ее, проглядели в суете*. (ж. “Социум” 3/1992); *Лучше самому уйти, чем тебя уйдут*. (“Итоги” 47/2002)

Отметим, что разграничение синтаксической и лексико-семантической сочетаемости чаще всего условно, поскольку лексико-семантическая сочетаемость зависит от самого синтаксического контекста. Во многих случаях можно говорить не только о расширении син-

таксического потенциала слов (в данных ниже примерах это наречия, которые принято считать приглагольными словами), но и о нарушении лексико-семантической совместимости слов. Например: *В любой, даже второстепенной роли, в тени традиционных красавцев, он все равно герой – «герой исподтишка»*. (Арг. и факты 40/1996); Против кризиса с *налогами наперевес* ("Рос. газета" 119/1998).

Самым ярким проявлением окказиональной, нестандартной сочетаемости является *оксюморон* (О.). Создание О. имеет бесспорно игровую природу – его создают, стремясь оригинально, точно, экономно выразить сложную и противоречивую сущность вещей. По мнению болгарского философа И. Паси, это сочетание несочетающегося одинаково реально и нереально, действительно и недействительно, вероятно и невероятно, и таким может быть только игра (Паси 1972: 163). К классическим О., созданным по модели Существительное + Прилагательное, можно отнести следующие: *Вот так неожиданно и замкнулся мой диалог с тремя классиками – на имени великого трагического комика, жизнелюбца и женолюбца Ч. Чаплина* (Арг. и факты 52/2000); *Нищий миллиардер* ("Арг. и факты" 25/1998).

В ПТ используются и О., созданные по другим моделям. Например: *Оксана Мысина – актриса, которая падает вверх* ("Арг. и факты" 10/1996); *Карьера – это падение вверх* ("Сегодня" 150/2000). В О. нет морфологических средств противопоставления, и поэтому противоречивость компонентов неподготовленна, непредсказуема, а такие непредсказуемые элементы обычно имеют яркий стилистический эффект. Как и во многих других случаях, значение и стилистический эффект окказиональной единицы раскрывается в сложных взаимоотношениях с различными внетекстовыми знаниями. Например: *Антон Чехов – женатый холостяк* (ж. "Караван историй" 6/2004) – заглавие текста о неудачном браке А. П. Чехова с О. Книппер.

В качестве обобщения сказанного об окказиональной сочетаемости приведем слова В. Г. Костомарова: «Сфера наиболее активных подвижек в современном языке – сочетаемость слов. Новые нормы и закономерности складываются именно в сочетаемости, в ней и через нее идет движение периферийных явлений к центру. В русле общей настроенности на каламбур и парадокс раскалываются привычные сочетания и создаются «невозможные» (Костомаров 1994: 196).

Анализ различных форм ЯИ в ПТ позволяет прийти к выводу, что обыгрывать можно почти все в языке и ПС активно пользуется этим богатством. ЯИ в ПС проявляется на всех уровнях языка, хотя и во многих случаях отнесение некоторых форм ЯИ к определенному уровню довольно условно. В.З. Санников даже выделяет группу НЛО (неопознанных лингвистических объектов), куда включает такие формы ЯИ, которые трудно классифицировать (Санников 1999: 39).

Трудно отнести к определенной форме и случаи переплетения, сочетания игровых стратегий в одной языковой единице. В данном ниже примере можно говорить о трех игровых приемах (цитации, окказиональном словообразовании и графической игре): *ПолАСатый рейс* (“Моск. комсомолец” 340/2001) – в заглавии текста о летчиках-испытателях (асах) используется название популярного кинофильма *Полосатый рейс* (само по себе основанное на необычной, окказиональной сочетаемости слов); компонент исходной цитаты заменяется окказиональным словом *полАСатый*, в котором графически выделенная часть слова направляет внимание адресата на содержание текста.

Проявление трех игровых форм в совокупности можно найти и в следующем примере: *БУШечное мясо* (“Арг. и факты” 37/2004) – в заглавии текста об американских солдатах в Ираке рассчитывается на экспрессивность фразеологической единицы *пушечное мясо*, которая используется для обозначения множества солдат, обреченных на бессмысленное уничтожение. Игровая трансформация стандартной формы ФЕ (замена компонента окказиональным словом) усиливает ее экспрессивность, а параграфемные средства (графическое выделение слова *БУШ*) направляют внимание на «ответственного» за гибель солдат. Подчеркнем, что таких случаев, когда различные игровые приемы выступают в совокупности, довольно много и они заслуживают специального внимания.

Специального внимания заслуживает и нагромождение, сочетание различных форм ЯИ в рамках одного (нередко небольшого по объему) текста. По этому поводу С. И. Сметанина пишет: «Медиа-текст, шлифуя возможности языковой игры, пополнившей инвентарь выразительных приемов публицистического стиля, пробует приучить читателя к «потреблению» сообщения, пронизанного игровыми знаками» (Сметанина 2002: 249).

Важно отметить, что в современном ПТ активно используются и такие игровые формы, которые характерны прежде всего для разговорного стиля (например различные фонетические и морфологические игры). Многие из них можно определить как не очень сложные, незатейливые, как проявление **балагурства** (см. об этом: Земская 1983: 175). Они, как и остальные элементы из разговорного стиля, вписываются в новую стратегию ПС, сближая его с неофициальностью, спонтанностью и диалогичностью повседневного общения.

В то же время значительное место в современном ПТ занимают и такие игровые формы, которые можно отнести к остроумию, острословию, т. е. к тем случаям, когда необыкновенная форма речи связана с более сложным и экспрессивным выражением содержания (см. об этом: Земская 1983: 175). К острословию следует отнести многие каламбуры, метафорические переносы, фразеологические трансформации, цитацию и т. д. – т. е. скорее всего типично газетные формы ЯИ. Они, наряду с иноязычными словами, книжной лексикой, богатой текстовой синонимией и т. д., оформляют не менее важную, чем демократизация, тенденцию – тенденцию к интеллектуализации публицистического языка.

Литература

- Виденов М., 1997, *Езикът и общественото мнение*, София.
- Градина Т.А., 1996, *Языковая игра: стереотип и творчество*, Екатеринбург.
- Земская Е.А. и др., 1983, *Русская разговорная речь*, Москва.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.П., 1993, *Лингвистические изменения в русской газете последнего десятилетия*, "Stylistyka" II, 111-131.
- Костомаров В.Г., 1994, *Языковой вкус эпохи*, Москва.
- Норман Б.Ю., 1987, *Язык: знакомый незнакомец*, Минск.
- Норман Б.Ю., 1994, *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург.
- Паси И., 1972, *Смешното*, София.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, 1996, Москва.
- Санников В.З., 1999, *Русский язык в зеркале языковой игры*, 1999.
- Сметанина С.И., 2002, *Медиа-текст в системе культуры*, Санкт-Петербург.
- Солганик Г. Я., 2000, *О новых аспектах изучения языка СМИ*, "ВМУ. Сер. 10. Журналистика", №3, 31-38.
- Солганик Г. Я., 2001, *Свой текст – чужой текст. – Словарь и культура русской речи*, Москва, 327-336.

Стоянов К., 1999, *Обществените промени (1989-1996) и вестникарският език*, София.

Хвойзинха Й., 1982, *Ното ludens (Изследване на игровия елемент на културата)*, София.

Цонева Л., 2002, *Езиковата игра в съвременната публицистика*, Велико Търново.

Modern Russian Journalist Style and Play of Words

The linguistic play on words has a wide interpretation in the spirit of modern scholarly theories – as a specifically sought deviation from the linguistic standards for the sake of creating a given (most frequently comical) effect. In that sense, various manifestations of the nonstandard, creative and paronomasia use of linguistic means refer to the linguistic play on words as a paronomasia (play on words) has a restricted and outdated character that is why, here, paronomasia is considered only as one of the linguistic play on words.

The actual significance of the topic is determined by the paramount role of journalese both in the systems of Modern Russian. Journalistic style, as it is known, does not only reflect but it also forms public opinion. It is precisely in journalese that is created the linguistic background, the linguistic image of contemporary reality. Journalese does not comply with all kinds of conventions, it is actually the bearer of the “taste of time” and its aspiration towards a fresh imagery, towards innovation and towards breaking off with the clichés of the past – with the trivial and sterile style of the language of newspapers of the previous years.

The article contains a concrete analysis of some of the manifestations of the linguistic play in the journalistic style. The analysis deals with the basic and most typical type of linguistic play – the paronomasia, as well as with other types, productive in journalistic style. They are sufficiently “representative” since they render the linguistic play at different levels (as far as such division is possible whatsoever). A more detailed analysis is focused precisely on those types of linguistic plays which are more actual at present for the journalistic style – paronomasia, quotation, metaphor, occasional units, the play with graphics.

Keywords: *linguistic play on words, journalistic style, paronomasia, quotation, occasional units, play with graphics.*

[e-mail: liliconeva@abv.bg]